



Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е.,  
Гончарова Н.П., Авдеева Г.С.

## РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ЭТНИЧЕСКОГО «ДРУГОГО» В МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ РОССИИ

**Аннотация:** В качестве предмета исследования выступают ментальные представления, оценки и установки, конструирующие обобщенный образ этнического "Другого" в массовом сознании россиян. Реконструкция этого образа происходит посредством последовательного вычленения и описания семантических взаимосвязей между атрибутивными характеристиками, релевантными для различных социальных ролей, которые может исполнять носитель иной этничности; выделения латентных факторов, обуславливающие восприятие различных этнических образов; построения семантических пространств, визуализирующих категориальные структуры сознания социальных групп, дифференцированных по полу, возрасту и региону проживания. С помощью психосемантического опросника, разработанного на основе модифицированного варианта методики множественной идентификации, семантического дифференциала и репертуарных решеток в четырех регионах России (Алтайский край, Омская область, Красноярский край, Республика Алтай) опрошено 240 человек. В качестве ролевых позиций выступали: близкий представитель другой национальности (друг, член семьи); представитель другой национальности, родившийся и постоянно проживающий на территории региона; лицо иной национальности, вынужденно приехавшее из другой страны (беженец); иностранец, приехавший для легального или неофициального заработка (гастарбайтер); представитель другой национальности, приехавший с образовательно-культурными целями (студент, турист, стажер). В качестве референтной категории была взята позиция «коренной житель России». Объекты оценивались по биполярным шкалам, далее данные анализировались с помощью дисперсионного, корреляционного, факторного и кластерного анализов. Результаты исследования позволили заключить, что образ этнического «другого» в сознании населения России конструируется преимущественно негативными стереотипами, проецируемыми на представителей других национальностей. Содержание этих стереотипов касается, прежде всего, оценки потенциального риска и угрозы национальной безопасности, межэтнических конфликтов и напряженности, социального неравенства, низкого культурного и интеллектуального уровня. Влияние стереотипов сглаживается в близких межличностных связях, и интенсифицируется в условиях снижения социального статуса, нелегитимности пребывания иностранного гражданина на территории региона. Самовосприятие жителей России весьма болезненно и противоречиво. С одной стороны, коренные жители воспринимаются патерналистски, с позиции национальной исключительности и превосходства, с другой стороны, обращает на себя внимание заниженная самооценка, вызванная низким уровнем благосостояния, правовой и моральной ущемленностью. Несмотря на общие семантические механизмы восприятия, региональные ментальные пространства значительно дифференцированы, что находит отражение в социальных представлениях и установках населяющих их жителей.

**Review:** The subject under research is the mental representations, evaluations and stereotypes constituting the general image of the ethnic Other in public consciousness. This image is reconstructed through successive fragmentation and description of semantic interactions between attributes relevant to different social roles that may be performed by a representative of the other ethnicity; discovery of the latent factors conditioning the percep-

*tion of different ethnic images; construction of semantic spaces visualizing categorical structures of the consciousness/mentality of social groups of different gender, age and region of residence. With the help of the psychosemantic questionnaire developed on the basis of a modified variant of the multiple identification method, semantic differential and repertory grids, 240 people living in the four regions of Russia (the Altai Krai, Omsk Region, Krasnoyarsk Krai and Altai Republic). The role positions included: a significant other of another nationality (a friend or a family member), a representative of another nationality that was born and has been living in the region all this time, a person of another nationality who had to come from another county (a refugee), a foreigner who came to work legally or illegally (a migrant worker), a representative of another nationality who came for educational or cultural purposes (a student, a tourist or a trainee). The reference category was the 'native resident of Russia'. The received data was evaluated according to the bipolar scales. After that data was analyzed by the means of the variance, correlation, factor and cluster analysis. The results of the research have shown that the image of the ethnic 'other' in the Russian mentality consisted mostly of the negative stereotypes projected on representatives of other nationalities. The content of these stereotypes related to, first of all, evaluation of the potential risk and the threat to national security, ethnic conflicts and tension, social inequality and low cultural or intellectual level. The influence of these stereotypes is less in close interpersonal relations and is more for a lower social status of illegal immigrants. Self-perception of Russian citizens is rather contradictory. On one hand, native residents of Russia are viewed paternalistically and from the position of their national uniqueness and superiority. On the other hand, they demonstrate a low self-esteem which is usually caused by the low standard of their living and legal and moral disadvantages. Despite general semantic perception mechanisms, regional mentalities are significantly differentiated which is reflected in social images and stereotypes demonstrated by local residents.*

**Ключевые слова:** *Межнациональные взаимодействия, массовое сознание, ментальные репрезентации, этнические установки, национализм, миграция, психосемантика, образ этнического другого, национальная самосознание, национальная безопасность.*

**Keywords:** *International interaction, public consciousness, mental representations, ethnic stereotypes, nationalism, migration, psychosemantics, image of the ethnic other, national consciousness, national security.*

**М**ощные глобализационные процессы, рост взаимозависимости государств в системе международных экономических отношений и мировой политике, развитие информационных и коммуникационных сетей привели к возникновению новых идентичностей, позволяющих современному человеку ощутить себя «гражданином мира». <sup>1</sup> Одновременно с позитивными изменениями в виде глобального сознания и постнационального гражданства, глобализация, по выражению Ю. Хабермаса, вызвала «образ разливающихся рек, которые размывают дамбы пограничного контроля и могут вызвать

обвал национального здания»<sup>2</sup>, создала угрозу разрушения локальных культур, затронув самую суть жизненного мира индивидов.

Этнический парадокс современности, заключающийся в стремлении этнических общностей сохранить свою самобытность, язык и менталитет вопреки глобальным процессам универсализации и унификации экономики и культуры, стал одной из наиболее существенных черт геополитических процессов в начале XXI века. В наиболее радикальных формах этот парадокс проявился в нарастании межэтнической напряженности и конфликтов, борьбе за обретение государственности и суверенизации этнонациональных групп, затронувших все страны и континенты, независимо от их уровня экономического развития. Таким образом, детерриториализирующая сила глобализации встретила сопротивление в форме того, что М. Биллинг назвал «банальным национализмом»

<sup>1</sup> *Painter, J.* Empire and citizenship // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. – 2003. – №2. – С.248-253. *Kymlicka, W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights, Oxford, Clarendon Press, 1995. *Falk R.* The Making of Global Citizenship. In: B. van Steerberger (ed.) The Condition of Citizenship, London, Sage, 1994. *Wexler P.*, Citizenship in the Semiotic Society. In: B. Turner (ed.) Theories of Modernity and Postmodernity, London, Sage, 1990.

<sup>2</sup> *Хабермас, Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Логос. – 2003. – №4-5 (39). – С. 132.

**Политика и общество 8 (116) • 2014**

– постоянного, рутинизированного утверждения своей национальной принадлежности.<sup>3</sup>

В жестких условиях социокультурной динамики произошла трансформация национализма как научного знания, общественно-политической практики и обыденных представлений простых людей о своем месте в этом мире. По мнению К. Калхуна, современный национализм приобрел три измерения. Во-первых, национализм как дискурс: производство культурного понимания и риторики, отдельных разновидностей националистической мысли и языка в особых условиях и традициях. Во-вторых, национализм как проект: социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями. В-третьих, национализм как способ оценки: политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации; они часто, но не всегда связаны с движениями или государственной политикой. В этом третьем смысле национализму часто придается статус морального императива и он начинает ассоциироваться с крайними проявлениями преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам.<sup>4</sup> Все большее распространение и развитие приобретают представления о национализме как стихийно или целенаправленно создаваемом социальном конструкте, социально-организованном феномене (что отражено, прежде всего, в работах М. Биллинга, Б. Андерсона, Дж. Брейи, Э. Гастингса, Л. Гринфельда, Э. Хобсбаума).<sup>5</sup> При этом особая роль в формировании националистического дискурса как инструмента формирования национальной

идентичности и соответствующих ей установок, ценностей и убеждений отводится СМИ и различным медийным практикам (Р. Фостер, П. Шлезингер, М. Прайс, В.В. Коротеева, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман)<sup>6</sup>.

В основе конструирования и воспроизводства национализма и национальной идентичности как его структурообразующего элемента лежат социально-психологические, социальные и культуральные механизмы, имеющие универсальный характер и являющиеся неотъемлемой составляющей онтологических представлений человека о структуре мира.<sup>7</sup> Так, благодаря процедурам категоризации и стереотипизации происходят социальная идентификация и межгрупповая дифференциация, позволяющие индивиду локализовать себя в социальном пространстве и ощутить причастность к определенной социальной общности – культуре, нации, этносу и др.<sup>8</sup> Центральными элементами, продуктами и результатами социальной идентификации являются образы ин- и аутгрупп, находящиеся в оппозиции и постоянно корректируемые в ходе социального взаимодействия.<sup>9</sup> В зависимости от особенностей этих взаимоотношений образ «другого» как представителя аутгруппы воспринимается либо как миролюбиво нетождественный, по терминологии советского психолога и историка Б.Ф. Поршнева<sup>10</sup>, либо

<sup>3</sup> Billig M. Banal Nationalism. London, 1995.

<sup>4</sup> Калхун, К. Национализм / К. Калхун; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: ИД «Территория будущего», 2006. – М., 2006. – С.32-33.

<sup>5</sup> Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-пресс, 2001. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э.Хобсбаум. – СПб., 1998. Greenfeld, L. Nationalism in Western and Eastern Europe Compared // Can Europe Work? Germany and the Reconstruction of Postcommunist Societies / S. E. Hanson, W. Spohn (Eds.). London: University of Washington Press, 1995. Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Billig, M. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995.

<sup>6</sup> Foster, R. The commercial construction of new nations // Journal of Material Culture. 1999. Vol.4. P.263– 282. Schlesinger, P. Media, the Political Order, and national Identity // Media, Culture and Society. 1991. Vol. 13 Прайс, М. Телевидение, коммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / М.Прайс. – М., 2000. – 336 с. Тишков, В.А. СМИ и ксенофобия [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. – 2008. – Режим доступа: <http://www.etnograf.ru/node/15>. – Загл. с экрана. Коротеева, В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? / В.В. Коротеева // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 3. Шнирельман, В.А. «Чистильщики» московских улиц: скинхеды, СМИ и общественное мнение / В.А. Шнирельман. – М., Московское бюро по правам человека, 2007.

<sup>7</sup> Каган В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://www.lebed.com/art2121.htm>

<sup>8</sup> Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 134–158.

<sup>9</sup> Jenkins R. Social Identity. London; New York, 1996.

<sup>10</sup> Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной дея-

приобретает черты «чужого», «врага», представляющего собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств.<sup>11</sup>

Конструктивистский подход предполагает, что «другой» – это «не свой», то есть любая категория, которая не находится в границах «своей» идентичности и не разделяет особенностей «своего». Современными исследователями образа «другого» в структуре международных отношений отмечаются новые тенденции, вызванные информационной революцией. Во-первых, происходит изменение самосознания «своего» и восприятия другого, вследствие активного вовлечения общественного «своего» в процесс принятия решений (например, путем участия в политических выборах или общественных движениях). Во-вторых, ускорение оборота информации приводит к растущей событийной ориентированности «другого» и фрагментарности его восприятия. В-третьих, отмечается углубление компаративной составляющей образа «другого», что проявляется не только во влиянии ассоциаций на отчуждение «другого», но и в помещении отдельно взятого «другого» в глобальный контекст восприятия «своих» и «чужих». Возрастающая политическая взаимозависимость и информированность приводит к вовлечению «своей» идентичности в конфликт трех групп («другой» – «другой»)<sup>12</sup>.

Социальная граница идентичности маркируется элементами культуры, отбираемыми (иногда достаточно произвольно) членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (в качестве этих элементов могут выступать, например, одежда, язык,

стиль жизни, традиции, обычаи).<sup>13</sup> Процедуры и механизмы, с помощью которых эти границы воспроизводятся и закрепляются в определенных представлениях и установках хорошо описываются в теории социального конструирования (П.Бергер, Т.Лукман). Социальная реальность повседневной жизни понимается авторами в континууме типизаций разной степени анонимности, которые порождают устойчивые модели поведения и социальные практики, которые в дальнейшем подвергаются «опривычиванию», получают свое институциональное оформление и оправдание путем легитимации.<sup>14</sup> Хотя субъект активно участвует в системе социальных отношений, его действия ограничены заданными моделями поведения, которые не всегда могут быть осознаны и вербализованы, поскольку выступают для него в виде самоочевидной данности.<sup>15</sup> В свете этой теории становится понятным, почему националистические идеи так популярны и получают массовую поддержку населения, проливается свет на природу конфликтов, возникших на национальной почве.

П. Бурдьё, исследуя механизмы воспроизводства социальных моделей поведения, ввёл в научный обиход термин «habitus», обозначающий систему диспозиций, порождающий механизм, способный спонтанно производить в большинстве социальных ситуаций практики.<sup>16</sup> Интериоризированные в процессе социализации схемы восприятия, мышления и поведения «формируют, определяют и защищают» индивида от противоречащей информации и конкурирующих поведенческих паттернов, помогают сохранять этническую и культурную идентичность, проводить демаркацию между «своим» и «чужим». Эти обыденные стратегии, рутинные определения национальности/идентичности являются чрезвычайно важными компонентами локального габитуса – повседневного мира людей, а их изучение позволяет в конкретном регионе и кон-

тельности / Под ред. Г.М.Андреевой, Я.Яноушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С.242-250.

<sup>11</sup> Белохвостова, О. Производство и потребление символов «инакости» в России [Электронный ресурс] / О. Белохвостова. – 2007. – Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/2007/CB5/Belohvostova.pdf>. – Загл. с экрана. Гудков, Л.Д. Идеологема «врага» / Л. Д. Гудков / Негативная идентичность. – М., 2004. Козырев, Г.И. «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1.

<sup>12</sup> Чернобров, Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход / Д.В. Чернобров // Вестник МГИМО. – 2012. – №6. – С.47-54.

<sup>13</sup> Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (Ed.). London; Bergen, 1969. – P. 14.

<sup>14</sup> Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., «Медиум», 1995.

<sup>15</sup> Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман/ Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М., Аспект Пресс, 1996.

<sup>16</sup> Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005.

**Политика и общество 8 (116) • 2014**

кретном историческом времени изучать воспроизводство национализма в конstellляции с другими, более объективными переменными.<sup>17</sup>

Легко заметить, что общим моментом указанных теорий является постулирование наличия влияния на поведение и мышление социального субъекта определенных внутренних структур, моделей, представленных как языковыми, так и невербальными категориями, в разной степени поддающимися осознанию, и детерминированных определенными особенностями социальной системы.

Данные структуры и формы организации субъективного опыта в индивидуальном и коллективном сознании могут быть отражены в понятии «ментальных репрезентаций», получившем теоретическое междисциплинарное осмысление в рамках когнитивных наук – когнитивной и экспериментальной психологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, экспериментальной психосемантике. Парадигма ментальной репрезентации позволяет обсудить организацию и содержание вербальных и образных представлений человека.<sup>18</sup> В исследовании ментальных репрезентаций можно выделить два основных подхода: изучение преимущественно динамики процесса отображения и изучение структуры и содержания как результата и условия взаимодействия. Первый подход представлен различными теориями и моделями, преимущественно в рамках зарубежной когнитологии, позволяющим объяснить, каким образом происходит семантическое кодирование и организация ментальных репрезентаций.

Второй подход наиболее характерен для отечественной психологии, где ментальная репрезентация изучается, прежде всего, как результат отображения, система сложившихся представлений, субъективное описание имеющегося опыта. Взгляд на ментальные репрезентации в таком ракурсе близко позициям психосемантического подхода, в рамках которого личность рассматривается как но-

ситель сложной картины мира, которая включает представления о внешних объектах и психических явлениях.<sup>19</sup> Согласно психосемантической парадигме, субъект, преобразуя реальность в образ мира, имеет дело не с миром как таковым, а его «когнитивной картой», своеобразной эмоционально значимой разметкой предметов жизненного мира как средств удовлетворения потребностей, задающей систему оценочных установок субъекта к миру. В качестве метода и одновременно способа модельного представления структуры значений выступает семантическое пространство и его операциональный аналог в виде факторного пространства признаков.

Указанные теоретико-методологические положения общенаучной парадигмы конструктивизма и ее конкретного приложения к изучению феномена национализма, образа «другого» и ментальных моделей субъективных систем значений легли в основу эмпирического исследования, проведенного в четырех регионах России.

С помощью психосемантического опросника, представляющего собой модифицированный вариант методик множественной идентификации (В.Ф. Петренко, О.В. Митина)<sup>20</sup>, семантического дифференциала (Ч. Осгуд<sup>21</sup>) и репертуарных решеток (Дж. Келли<sup>22</sup>) в каждом регионе (Алтайский край, Омская область, Красноярский край, Республика Алтай) было опрошено 60 человек в возрасте 15-17 лет (общий объем выборки составил n=240).

В качестве объектов оценивания выступали социальные роли, в которых могут выступать носители «своей» и «чужой» национальной идентичности,

<sup>17</sup> *Здравомыслов, А.Г.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм / А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев // Социологический журнал. – 2003. – №3. – С.20-21.

<sup>18</sup> *Ребеко, Т.А.* Перцептивные инварианты и их участие в задаче категоризации / Т.А. Ребеко // Психологический журнал. – 1998. – №1. – С.116-126. Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. – М., 1998.

<sup>19</sup> *Петренко, В.Ф.* Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – М., Издательство МГУ, 1997. *Шмелев, А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А.Г. Шмелев. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 157с. *Артемьева, Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

<sup>20</sup> *Митина, О.В.* Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (на материале России и США) / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Вопросы психологии –2000. – №2. – С.68-86.

<sup>21</sup> *Osgood, C.E., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H.* (1957). The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois Press.

<sup>22</sup> *Kelly, G.* (1955) The psychology of personal construct. New York: Norton.

находящиеся в пределах национальных границ государства и дифференцированные по признаку социальной дистанции, легальности статуса, вынужденного/добровольного характера пребывания: близкий представитель другой национальности (друг, член семьи); представитель другой национальности, родившийся и постоянно проживающий на территории региона; лицо иной национальности, вынужденно приехавшее из другой страны (беженец); иностранец, приехавший для легального или неофициального заработка (гастарбайтер); представитель другой национальности, приехавший с образовательно-культурными целями (студент, турист, стажер). В качестве референтной категории выступала позиция «коренной житель России».

Объекты оценивались по биполярным шкалам, выступающим в качестве конструкторов – «форм, в которых происходит упорядочивание опыта, образуются взаимосвязи, опосредующие восприятие и осознание действительности»<sup>23</sup>. Биполярные шкалы имеют то преимущество, что позволяют выявлять не только качества, по которым группа высоко оценивается, но и антистереотипные характеристики. Кроме того, следует отметить, что точкой согласия среди многочисленных исследователей, принадлежащих к различным отраслям знаний и теоретическим ориентациям, является подчеркивание важности принципа биполярности, в соответствии с которым осуществляется категоризация и стереотипизация как ее частный случай. Поэтому данный метод особенно продуктивен при проведении сравнительного исследования двух – чаще всего своей и чужой групп, так как позволяет выявить то, в какой форме, сопоставления или противопоставления, протекает их дифференциация.

Первым этапом обработки данных стала общая оценка профилей для ролевых позиций и множественные сравнения средних. Затем данные были агрегированы в матрицы по полу, возрасту, региональной принадлежности, и подвергнуты процедуре факторного анализа и кластеризации для построения моделей категориальных структур сознания – «семантических пространств», по которым и были описаны ментальные репрезентации исследуемых образов.

Первичный анализ профилей ролевых позиций позволил сделать выводы относительно главных осей, по которым происходила их дифференциация: социальной идентификации, доверия, социальной безопасности и социального неравенства. Уже в первом приближении стало ясно, что наиболее благоприятно воспринимались позиции, близкие с точки зрения социальной дистанции – друзья, члены семьи, жители одного региона. Им выражали больше доверия и уважения, считали «своими». Маркировку «чужаков» в оценках респондентов получили «Турист», «Гастарбайтер» и «Беженец». Однако, если «Турист» по остальным показателям оценивался как наиболее богатый, законопослушный, доброжелательный, «продвинутый» в интеллектуальном и культурном отношении, то две другие позиции получили в основном негативные оценки по критериям бедности, ущемления прав, угрозы национальной безопасности, разрушения русских национальных традиций и культуры, интеллектуальному и культурному развитию. Более того, «Гастарбайтер» ассоциировался у респондентов с нарушением общественного порядка, являлся источником межнациональных конфликтов.

Образ «Коренного жителя России» отличался противоречивым сочетанием хитрости и бедности, силы и жалости, миролюбия и несоблюдения законов, ассоциировался с национальной исключительностью и превосходством. «Коренной житель» получил наивысшие оценки показателя «свойкости», опередив «друзей и членов семьи другой национальности». Этот, очень важный, на наш взгляд, результат исследования свидетельствовал о том, что механизмы национальной и культурной идентификации продолжали действовать даже в условиях близких и интимных межэтнических взаимосвязей, сохраняя приоритет перед ними.

На следующем этапе анализа изучались отличия в восприятии ролевых позиций в разных социальных группах, выделенных по признаку пола, возраста и региона проживания.

Гендерные различия проявлялись в плоскости взаимоотношений с близкими людьми и оценке благосостояния коренных жителей и региональных этнических групп. У женщин на первый план ставились межличностные отношения и степень социальной близости, тогда как у мужчин сохранялся приоритет этнического фактора. Как следствие, женщины более уважительно относились к близ-

<sup>23</sup> Петренко, В.Ф. Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 44.

**Политика и общество 8 (116) • 2014**

ким людям и членам семьи другой национальности, воспринимали коренных жителей менее «своими», оценивали их как менее бедных и ущемленных в правах, чем мужчины ( $\chi^2$ ,  $p < 0,05$ ).

Возрастные, а точнее межпоколенные (поскольку мы сравнивали три возрастные группы – 15-29 лет, 30-49 лет и 50-75 лет) различия в выраженности конструктов выявились по всем позициям, кроме «Гастарбайтера». В целом можно говорить о схожести оценок средней и старшей возрастной групп, их противопоставлении оценкам младшей группы до 30 лет. Старшие поколения, как правило, демонстрировали положительные оценки ролевых позиций, особенно по критериям безопасности и социального неравенства, сохранения культурных традиций. Молодое поколение, напротив, испытывало больше раздражения, недоверия и неприязни, даже по отношению к этнофорам, родившимся и постоянно проживающим на территории России, не говоря уже о тех, кто был вынужден иммигрировать либо приехал на время заработка. Молодежь гораздо сильнее реагировала на конструкты, содержащие деструктивные элементы – конфликт, угрозу безопасности, напряженность, разрушение культуры, оценивая их выраженность практически у всех иноэтнических ролей. «Коренной житель России» оценивался всеми группами как более бедный и ущемленный в правах и свободах, невиновный в межнациональных конфликтах и не представляющий угрозу национальной безопасности. Была отмечена тенденция среднего и старшего поколений давать более высокие, чем у младшей группы, оценки бедности и социальной исключенности, и более низкие оценки конфликтности и риска социальной напряженности.

Региональная специфика восприятия социальных ролей заключалась в дифференциации социально-экономических характеристик и эмоциональной реакции на представителей других национальностей, различиях в восприятии коренного населения России. В качестве основных причин, детерминирующих региональные оценки, выступали как социально-экономические характеристики региона, так и особенности национального состава, определяющие его культурно-историческое своеобразие, интенсивность мигрантских потоков. Другие причины, такие как наличие и степень развития сетей национальных культурных автономий и других ин-

ституциональных форм гражданского общества, эффективность региональной политики по формированию культуры толерантности в полиэтнической среде и работы миграционных служб, вероятно, также имели значения, но проверить их влияние было невозможно.

Прямым следствием указанных причин стала дифференцированная оценка регионами бедности и социальной исключенности региональных этнических групп. Экономически более развитые регионы (Омская область и Красноярский край) давали высокие оценки благосостояния представителям других национальностей, родившихся и постоянно проживающих на территории региона, тогда как жители регионов с низким уровнем жизни (Алтайский край и Республика Алтай) считали их более бедными и ущемленными в своих правах. Похожая тенденция выявилась в оценке приезжающих с образовательными и культурными целями («Туристов»). Чем выше благосостояние региона, тем более умеренными были оценки данной позиции, и, напротив, чем беднее регион, тем более экономически благополучной и защищенной в правовом отношении она представлялась.

Наиболее насыщенным региональными различиями оказался образ «Гастарбайтера». Негативное отношение демонстрировали жители Красноярского края и Омской области, испытывающие раздражение и неприязнь к трудовым мигрантам, считающие их незаконопослушными, виновными в межнациональных конфликтах и представляющих угрозу социально-экономическому развитию. Жители Алтайского края отнеслись к гастарбайтерам наиболее лояльно. У жителей Республики Алтай гастарбайтеры не вызвали опасений и других негативных эмоций, но, в отличие от других позиций данная роль воспринималась как лишенная уважения, с низким социальным статусом.

Региональные отличия в восприятии референтной позиции «Коренной житель России» проявлялись в конструктах, отражающих эмоциональную реакцию в виде раздражения и неприязни, оценку эгоизма/альтруизма как национальной черты характера и не/соблюдение закона и общественного порядка. Жители Республики Алтай выделились среди респондентов других регионов высокими оценками, характерными для выраженности положительных полюсов конструктов (то есть, у населения данного региона образ коренного жителя

обладает исключительно положительными характеристиками – законопослушностью, альтруизмом, не вызывает раздражения). Особенностью Красноярского края являлась более низкая, чем у других регионов, оценка альтруизма, а жители Алтайского края более других подчеркивали тенденцию коренных жителей нарушать законы. Оценки жителей Омской области оказались наиболее сбалансированными, сходными с общей выборкой.

Проведя предварительную разведку данных и получив достаточное количество различий, нам предстояло выявить, какие латентные факторы опосредуют восприятие образа этнического «другого»? Существуют ли единые семантические механизмы для восприятия различных социальных групп?

Для ответа на эти вопросы «сырые» данные были агрегированы в матрицы усредненных значений и обработаны с помощью процедур факторного и кластерного анализов. Для факторизации был использован метод главных компонент для категориальных данных (CatPCA). Обычно этот метод применяется для проведения факторного анализа с разнородными шкалами, включая порядковые и номинальные<sup>24</sup>. В нашем исследовании выбор этого метода обуславливался не столько особенностями исходных данных, сколько возможностью графического представления результатов на основе совместной конфигурации дескрипторов и объектов оценивания в виде биплота. Следует отметить, что в анализе было использовано только двухфакторное решение. Конечно, размерность семантического пространства имеет большое значение как операциональный коррелят, отражающий когнитивную сложность индивидуального или группового сознания. Но, поскольку уже трехмерное пространство достаточно трудно для восприятия, а повышение размерности на уровень больше трех делает его практически невозможным, было решено оставить два первых, самых главных фактора. В отличие от процедуры линейного анализа главных компонент, в CatPCA число заданных размерностей влияет на собственный вес факторов, и объясненная дисперсия распределяется на столько факторов, сколько было задано исследователем. Информатив-

ность первого фактора составила порядка 70-80%, второго – от 20% до 30%, общая объясненная дисперсия приближалась к 100%. Для классификации ролевых позиций использовался метод иерархической кластеризации.

Поскольку были созданы отдельные наборы данных для всей выборки и подвыборок по полу, возрасту и региону, указанные статистические процедуры позволили описать общую картину восприятия этнических образов «другого» и особенности этого восприятия, обусловленные гендерными, возрастными и региональными различиями.

Схожесть факторных структур и конфигураций позволили выделить две общие и три уникальные модели, описывающие семантические взаимосвязи между ролевыми позициями и конструктами в пространстве, задаваемом смыслами ведущих факторов.

Первая модель обобщала данные по общей выборке, выборках для среднего и старшего возраста, Алтайского края и Омской области. Первый фактор аккумулировал переменные, связанные интеллектуальным и культурным развитием, обогащением и разрушением русских национальных традиций и культуры, угрозой национальной безопасности и социально-экономическому развитию, межнациональными конфликтами и напряженностью. В зависимости от того, как были распределены нагрузки переменных, этот фактор был назван фактором «культурного развития и безопасности», «социальной аттракции – отторжения», «конфликтности – миролюбия». Второй фактор отражал смысл национальной самоидентификации и был назван «фактором соответствия русскому национальному характеру». Общими чертами семантического пространства для этой модели являлись: противопоставление «Коренного жителя» всем остальным ролевым позициям, определение его в свете окружающих дескрипторов как «наивного, простодушного», «своего», «вызывающего доверие»; объединение в одну группу позиций «Близкий представитель другой национальности», «Представитель другой национальности, родившийся и постоянно проживающий на территории региона» и «Турист», воспринимаемых как законопослушные, мирные, доброжелательные, богатые, не ущемленные в правах и свободах, вызывающие чувство превосходства; сходное восприятие ролевых позиций «Беженец» и «Гастарбайтер», ассоциирующихся с дескриптором «вызывает жалость, сочувствие».

<sup>24</sup> *Jacqueline J. Meulman, Anita J. Van der Kooij, Willem J. Heiser, Principal Components Analysis With Nonlinear Optimal Scaling Transformations for Ordinal and Nominal Data // The Sage Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences / ed. Davis Kaplan. 2004. Pp. 49-70.*



Вторая модель восприятия была характерна для мужчин и представителей молодого поколения (до 30 лет). Первый фактор был идентичен первому фактору первой модели, то есть представлял собой оппозицию культурности, миролюбия, безопасности и невежества, риска, конфликта. Во втором факторе был заключен смысл, который можно условно назвать «национальной гордостью и обиженным национальным достоинством», в нем сочетались противоречащие друг другу дескрипторы: «бедный», «вызывающий чувство униженности», но при этом «сильный», «вызывает чувство национальной исключительности». Этот фактор был назван нами фактором «национализма – космополитизма». В семантическом пространстве этого типа наблюдается противопоставление позиции «Турист», ассоциирующейся с богатством, соблюдением законом, стремлением к единению с окружающими, обладанием в полной мере правами и свободами, чувством национального разнообразия, всем остальным позициям. «Коренной житель» по смыслу сближается с «Близким представителем другой национальности», они воспринимаются как «свои», «сильные», но при этом «наивные, простодушные».

Третья модель соответствовала женскому типу восприятия. Для нее было характерно целостное восприятие образов этнического «другого», проявляющееся в тесной взаимосвязи дескрипторов и ролевых позиций. Единую смысловую группу составили роли «Турист» и «Близкий представитель другой национальности», воспринимаемые как сильные, мирные, законопослушные и вызывающие чувство национальной исключительности. «Коренной житель» и «Беженец» также оказались взаимосвязаны семантически, обе позиции «вызывали жалость, сочувствие». В другой плоскости пространства располагалась группа дескрипторов «враждебный», «интеллектуально и культурно не развитый», «бедный» и «хитрый», которые в сознании женщин практически сливались воедино, но не ассоциировались с каким-либо этническим образом.

Четвертая модель раскрывала своеобразие восприятия жителей Республики Алтай. Первый фактор был сходен с предыдущими моделями, второй фактор сконцентрирован на социальном неравенстве и справедливости. Отличительными особенностями данной модели являлись значительное семантическое расстояние между позициями «Гастарбайтер» и «Беженец», в других

моделях расположенных в относительной близости друг от друга. Позиция «Беженец» вызывала сочувствие, и воспринималась нейтрально по оси безопасности/опасности. «Гастарбайтер» был расположен в зоне «социальной справедливости», но при этом занимал крайние значения в «зоне конфликта». Коренные жители, региональные этнические группы и близкие люди образовали семантически единую группу – «безопасных», но «ущемленных». Позиция «Турист» воспринималась как самая привлекательная с точки зрения безопасности и социальной справедливости.

Пятая модель отражала специфику Красноярского края. Главной особенностью семантического пространства данного региона стало сочетание в первом факторе идей социальной и национальной безопасности и национальной идентификации на основе оппозиции «свой – чужой». Второй фактор был сосредоточен на оппозиции социального неравенства–справедливости, результирующего из особенностей национального характера. Для семантического пространства было характерно полное совпадение координат для позиций «Близкий представитель другой национальности» и «Представитель другой национальности, родившийся и постоянно проживающий на территории региона», их рядоположенность с позицией «Турист». Все три позиции воспринимались как «богатые», «сильные», «не ущемленные в правах и свободах», «вызывающие чувство национального разнообразия», «безопасные», но «чужие». Позиция «Коренного жителя» была семантически близка позиции «Беженца», обе позиции описывались характеристиками «наивный, простодушный», «вызывает жалость, сочувствие», «ущемленные в правах и свободах», «бедный» и «слабый». В свете смысла, заложенного факторами, эти образы воспринимались как «безопасные», но при этом «чужие». Позиция «Гастарбайтер» была изолирована в области крайне отрицательных значений по первому фактору, что могло быть интерпретировано как «небезопасный» и «чужой», и в области низких положительных значений по второму фактору, то есть образ не ассоциировался с бедностью и ущемлением прав и свобод.

Таким образом, результаты исследования позволили заключить, что образ этнического «другого» в сознании населения России конструируется преимущественно негативными стереотипами, проецируемыми на представителей других национальностей.

Содержание этих стереотипов касается, прежде всего, оценки потенциального риска и угрозы национальной безопасности, межэтнических конфликтов и напряженности, социального неравенства, низкого культурного и интеллектуального уровня. Влияние стереотипов сглаживается в близких межличностных связях, и интенсифицируется в условиях снижения социального статуса, нелегитимности пребывания иностранного гражданина на территории региона. Самовосприятие жителей России весьма болезненно и противоречиво. С одной стороны, коренные жители воспринимаются патерналистски, с позиции национальной исключительности и превосходства, с

другой стороны, обращает на себя внимание заниженная самооценка, вызванная низким уровнем благосостояния, правовой и моральной ущемленностью. Несмотря на общие семантические механизмы восприятия, региональные ментальные пространства значительно дифференцированы, что находит отражение в социальных представлениях и установках населяющих их жителей.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого»»**

#### Библиография:

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С.134–158.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-пресс, 2001. – 288 с.
3. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
4. Бауман, З. Мыслить социологически / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М., Аспект Пресс, 1996. – 255 с.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., «Медиум», 1995. – 323 с.
6. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. – 288 с.
7. Гудков Л. Идеологема «врага» // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. – М., 2004. – 816 с.
8. Здравомыслов, А.Г. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм / А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев // Социологический журнал. – 2003. – №3. – С.20-21.
9. Каган, В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» [Электронный ресурс] / В.Каган// Режим доступа: <http://www.lebed.comart2121.htm>
10. Калхун, К. Национализм / К. Калхун; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : ИД «Территория будущего». – М., 2006. – С.32-33.
11. Козырев, Г.И. «Враг»? (образ врага) в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С.31-39.
12. Коротева, В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? / В.В. Коротева // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 3. – С.185-203/
13. Митина, О.В., Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (на материале России и США) / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Вопросы психологии –2000. – №2. – С.68-86.
14. Петренко, В.Ф. Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 44.
15. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – М., Издательство МГУ, 1997. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А.Г. Шмелев. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 157с.
16. Прайс, М. Телевидение, коммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / М.Прайс. – М.. 2000. – 336 с.
17. Ребеко, Т.А. Перцептивные инварианты и их участие в задаче категоризации / Т.А. Ребеко // Психологический журнал. – 1998. – №1. – С.116-126.
18. Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М.Андреевой, Я.Яноушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С.242-250.
19. Тишков, В.А. СМИ и ксенофобия [Электронный ресурс]/ В.А. Тишков. – 2008. –Режим доступа: <http://www.etnograf.ru/node/15>. – Загл. с экрана.
20. Хабермас, Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Логос. – 2003.– №4-5 (39). – С. 132.

**Политика и общество 8 (116) • 2014**

21. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э.Хобсбаум. – СПб., 1998. – 276 с.
22. Чернобров, Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход / Д.В. Чернобров // Вестник МГИМО. – 2012. – №6. – С.47-54.
23. Шнирельман, В.А. «Чистильщики» московских улиц: скинхеды, СМИ и общественное мнение / В.А. Шнирельман. – М., Московское бюро по правам человека, 2007. – 116 с.
24. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference* / F. Barth (Ed.). London; Bergen, 1969. – P. 14.
25. Billig M. *Banal Nationalism*. London, 1995.
26. Billig, M. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications, 1995.
27. Falk R. The Making of Global Citizenship. In: B. van Steerberger (ed.) *The Condition of Citizenship*, London, Sage, 1994.
28. Foster, R. The commercial construction of new nations // *Journal of Material Culture*. 1999. Vol.4. P.263-282.
29. Greenfeld, L. Nationalism in Western and Eastern Europe Compared // *Can Europe Work? Germany and the Reconstruction of Postcommunist Societies* / S. E. Hanson, W. Spohn (Eds.). London: University of Washington Press, 1995.
30. Hastings, A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
31. Jacqueline J. Meulman, Anita J. Van der Kooij, Willem J. Heiser, Principal Components Analysis With Nonlinear Optimal Scaling Transformations for Ordinal and Nominal Data // *The Sage Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences* / ed. Davis Kaplan. 2004. Pp. 49-70.
32. Jenkins R. *Social Identity*. London; New York, 1996.
33. Kelly, G. (1955) *The psychology of personal construct*. New York: Norton.
34. Kymlicka, W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, Clarendon Press, 1995.
35. Osgood, C.E., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
36. Painter, J. *Empire and citizenship* // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. – 2003. – №2. – С.248-253.
37. Schlesinger, P. *Media, the Political Order, and national Identity* // *Media, Culture and Society*. 1991. Vol. 13
38. Wexler P., *Citizenship in the Semiotic Society*. In: B. Turner (ed.) *Theories of Modernity and Postmodernity*, London, Sage, 1990.
39. Волох В.А., Суворова В.А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны // *NB: Национальная безопасность*. – 2013. – 3. – С. 1-16. URL: [http://www.e-notabene.ru/nb/article\\_713.html](http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html)
40. И. А. Трифонова *Внешняя политика России и формирование позитивного образа российского государства* // *Национальная безопасность / nota bene*. – 2011. – 5. – С. 115-125.
41. Березина Т.Н. О психических образах высших порядков // *NB: Психология и психотехника*. – 2012. – 2. – С. 77-105. DOI: 10.7256/2306-0425.2012.2.169. URL: [http://www.e-notabene.ru/psp/article\\_169.html](http://www.e-notabene.ru/psp/article_169.html)
42. Березина Т.Н. О психических образах высших порядков // *NB: Психология и психотехника*. – 2012. – №2. – С. 77-105. DOI: 10.7256/2306-0425.2012.2.169. URL: [http://www.e-notabene.ru/psp/article\\_169.html](http://www.e-notabene.ru/psp/article_169.html).

**References (transliteration):**

1. Ageev, B.C. *Mezhgruppovoe vzaimodeistvie: sotsial'no-psikhologicheskie problemy*. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. – S.134–158.
2. Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* / B. Anderson. – М.: Kanon-press, 2001. – 288 s.
3. Artem'eva, E.Yu. *Osnovy psikhologii sub'ektivnoi semantiki* / pod red. I.B. Khaninoy. – М.: Nauka; Smysl, 1999. – 350 s.
4. Bauman, Z. *Mysl' sotsiologicheskii* / Z. Bauman/ Per. s angl. pod red. A.F. Filippova. – М., Aspekt Press, 1996. – 255 s.
5. Berger, P. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* / P. Berger, T. Lukman. – М., «Medium», 1995. – 323 s.
6. Burd'e, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* / P. Burd'e / Per. s fr., obshch. red. N.A. Shmatko. – SPb.: Aleteiya; М.: In-t eksperim.sotsiologii : Aleteiya, 2005. – 288 s.
7. Gudkov L. *Ideologema "vraga"* // Gudkov L. *Negativnaya identichnost': Stat'i 1997–2002 godov*. – М., 2004. – 816 с.
8. Zdravomyslov, A.G. *Etnichnost' i etnicheskoe nasilie: protivostoyanie teoreticheskikh paradigm* / A.G. Zdravomyslov, A.A. Tsutsiev // *Sotsiologicheskii zhurnal*. – 2003. – №3. – S.20-21.
9. Kagan, V. *Homo Xenophobicus: psikhologiya "svoego i chuzhogo"* [Elektronnyi resurs] / V.Kagan// Rezhim dostupa: <http://www.lebed.comart2121.htm>
10. Kalkhun, K. *Natsionalizm* / K. Kalkhun; per. s angl. A. Smirnova. – М. : ID «Territoriya budushchego». – М., 2006. – S.32-33.
11. Kozyrev, G.I. «Vrag»? (obraz vraga) v obshchestvennykh i politicheskikh otноsheniyakh / G.I. Kozyrev // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2008. – № 1. – С.31-39.

12. Koroteeva, V. V. Sushchestvuyut li obshchepriznannye istiny o natsionalizme? / V.V. Koroteeva // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 3. – С.185-203/
13. Mitina, O.V., Krosskul'turnoe issledovanie stereotipov zhenskogo povedeniya (na materiale Rossii i SShA) / O.V. Mitina, V.F. Petrenko //Voprosy psikhologii –2000. – №2. – С.68-86.
14. Petrenko, V.F. Mitina O.V. Psikhosemanticheskoe issledovanie politicheskogo mentaliteta / V.F. Petrenko, O.V. Mitina // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1994. – № 6. – С. 44.
15. Petrenko, V.F. Osnovy psikhosemantiki / V.F. Petrenko. – М., Izdatel'stvo MGU, 1997. Shmelev, A.G. Vvedenie v eksperimental'nyu psikhosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti / A.G. Shmelev. – М.: Izd-vo MGU, 1983. – 157s.
16. Prais, M. Televidenie, kommunikatsii i perekhodnyi period: pravo, obshchestvo i natsional'naya identichnost' / M.Prais. – М.. 2000. – 336 s.
17. Rebeke, T.A. Pertseptivnye invarianty i ikh uchastie v zadache kategorizatsii / T.A. Rebeke // Psikhologicheskii zhurnal. – 1998. – №1. – С.116-126.
18. Stefanenko T. G. Sotsial'nye stereotipy i mezhetnicheskie otnosheniya // Obshtchenie i optimizatsiya sovmestnoi deyatel'nosti / Pod red. G.M.Andreevoi, Ya.Yanousheka. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. – С.242-250.
19. Tishkov, V.A. SMI i ksenofobiya [Elektronnyi resurs]/ V.A. Tishkov. – 2008. –Rezhim dostupa: <http://www.etnograf.ru/node/15>. – Zagl. s ekrana.
20. Khabermas, Yu. Postnatsional'naya konstellyatsiya i budushchee demokratii / Yu. Khabermas // Logos. – 2003.– №4-5 (39). – С. 132.
21. Khobsbaum, E. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. / E.Khobsbaum. – SPb., 1998. – 276 с.
22. Chernobrov, D.V. Evolyutsiya «obraza drugogo» v konfliktakh sovremennosti: konstruktivistskii podkhod / D.V. Chernobrov // Vestnik MGIMO. – 2012. – №6. – С.47-54.
23. Shnirel'man, V.A. «Chistil'shchiki» moskovskikh ulits: skinkhedy, SMI i obshchestvennoe mnenie / V.A. Shnirel'man. – М., Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, 2007. – 116 с.
24. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (Ed.). London; Bergen, 1969. – P. 14.
25. Billig M. Banal Nationalism. London, 1995.
26. Billing, M. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995.
27. Falk R. The Making of Global Citizenship. In: B. van Steerberger (ed.) The Condition of Citizenship, London, Sage, 1994.
28. Foster, R. The commercial construction of new nations // Journal of Material Culture. 1999. Vol.4. P.263-282.
29. Greenfeld, L. Nationalism in Western and Eastern Europe Compared // Can Europe Work? Germany and the Reconstruction of Postcommunist Societies / S. E. Hanson, W. Spohn (Eds.). London: University of Washington Press, 1995.
30. Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
31. Jacqueline J. Meulman, Anita J. Van der Kooij, Willem J. Heiser, Principal Components Analysis With Nonlinear Optimal Scaling Transformations for Ordinal and Nominal Data // The Sage Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences / ed. Davis Kaplan. 2004. Pp. 49-70.
32. Jenkins R. Social Identity. London; New York, 1996.
33. Kelly, G. (1955) The psychology of personal construct. New York: Norton.
34. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights, Oxford, Clarendon Press, 1995.
35. Osgood, C.E., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H. (1957). The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois Press.
36. Painter, J. Empire and citizenship // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. – 2003. – №2.– С.248-253.
37. Schlesinger, P. Media, the Political Order, and national Identity // Media, Culture and Society. 1991. Vol. 13
38. Wexler P., Citizenship in the Semiotic Society. In: B. Turner (ed.) Theories of Modernity and Postmodernity, London, Sage, 1990.
39. Volokh V.A., Suvorova V.A. Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossii – osnova migratsionnoi bezopasnosti strany // NB: Natsional'naya bezopasnost'. – 2013. – 3. – С. 1-16. URL: [http://www.e-notabene.ru/nb/article\\_713.html](http://www.e-notabene.ru/nb/article_713.html)
40. I. A. Trifonova Vneshnyaya politika Rossii i formirovanie pozitivnogo obraza rossiiskogo gosudarstva // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2011. – 5. – С. 115-125.
41. Berezina T.N. O psikhicheskikh obrazakh vysshikh poryadkov // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. – 2012. – 2. – С. 77-105. DOI: 10.7256/2306-0425.2012.2.169. URL: [http://www.e-notabene.ru/psp/article\\_169.html](http://www.e-notabene.ru/psp/article_169.html)
42. Berezina T.N. O psikhicheskikh obrazakh vysshikh poryadkov // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. – 2012. – №2. – С. 77-105. DOI: 10.7256/2306-0425.2012.2.169. URL: [http://www.e-notabene.ru/psp/article\\_169.html](http://www.e-notabene.ru/psp/article_169.html).